

**«ОТ МАЛА ДО ВЕЛИКА
СПЕКУЛИРУЮТ НА ЧЕМ ТОЛЬКО ВОЗМОЖНО»:
ГОРОДСКИЕ РЫНКИ В «БЕЛОЙ» СИБИРИ
(1918 – 1919 гг.)**

Представление о Гражданской войне как героической борьбе «красных» с «белыми» или «белых» с «красными» разрушается, как только мы анализируем ситуацию в тылу, где не было ни героизма, ни беззаветного служения идее, а были хозяйственная разруха, нищета, пьянство и невиданный прежде расцвет спекуляции. Феномен торговой предприимчивости обывателей в годы Гражданской войны, в том числе и в Сибири, в последнее время стал активно изучаться¹.

Свержение власти Советов в мае–июне 1918 г. сибирское население восприняло как отмену ограничений свободы торговли, введенных большевиками. И это сразу привело к увеличению подвоза продуктов на городские базары и к снижению цен. В Омске и Новониколаевске цены сразу снизились на 25 %, в Томске – на 30 %. В Иркутске исчезли очереди у продовольственных лавок, и в витринах магазинов стали появляться товары. В Красноярске некоторые крестьяне привозили на базар сразу по 10 возов муки².

«Сибирская жизнь» так описывала томский базар: «В субботу, 1 июня [Новый стиль. – В.К.], базар был неузнаваем по обилию продуктов и оживленной торговле. Еще ярче перемена хозяйственной жизни сказалась вчера, 3 июня. Подвоз продуктов из деревень достиг давно небывалых размеров. Особенно обращало на себя внимание обилие муки ржаной, пшеничной и сеянки, причем цены обнаружили тенденцию к понижению. Масса было в подвозе картофеля, в котором ощущается недостаток»³ (В примечаниях выходные данные газет указаны так, как напечатано в самих газетах).

Однако этого «изобилия» хватило ненадолго. В первые дни после смены власти в Томске пропали уличные торговцы, продававшие папиросы, табак и спички. Но вскоре они вновь появились на улицах, продавая папиросы в 10–15 раз дороже указанной на коробке цены⁴. Корреспондент газеты «Знамя революции» нарисовал безотрадную картину в Новониколаевске: «Продовольственных запасов в Новониколаевске, занятом чехословаками, хватит на несколько дней. Подвоза нет. В городе наблюдаются грабежи. Неизвестные личности отбирают у отдельных граждан их продовольствие»⁵.

Непредсказуемый рост цен начался с осени 1918 г. и продолжался вплоть до падения власти верховного правителя адмирала А.В. Колчака. Рыночные цены на муку и мясо в городах Сибири представлены в двух таблицах.

Таблица 1. Цены на мясо во второй половине 1918–1919 гг. (руб. за фунт)

	1918 г.			1919 г.		
	июль	август	октябрь	июль	Август	октябрь
Омск	2,25	1,38	1,25	5,5	7,0	–
Новониколаевск	2,0	1,8	1,8	4,2	6,0	6,5
Томск	2,5	2,0	2,2	4,5	5,25	6,5
Барнаул	2,0	1,7	1,75	4,5	5,31	6,0
Красноярск	–	–	–	5,1	5,26	8,0
Иркутск	–	–	–	7,27	7,25	12,0

Составлено по: Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-1328. Оп. 1. Д. 243. Л. 1–6 (State Archive of Novosibirsk oblast (GANO). F. P-1328. Op. 1. D. 243. L. 1–6).

Таблица 2. Цены на муку во второй половине 1918–1919 гг. (руб. за пуд)

	1918 г.			1919 г.		
	июль	август	октябрь	июль	Август	октябрь
Омск	12,0	19,75	19,25	80,0	85,0	–
Новониколаевск	28,0	30,0	36,0	75,0	78,0	170,0
Томск	35,0	32,0	45,0	75,0	80,0	180,0
Барнаул	25,0	23,0	20,0	–	75,0	175,0
Красноярск	–	–	–	52,4	77,0	170,0
Иркутск	–	–	–	68,0	68,0	180,0

Составлено по: ГАНО. Ф. Р-1328. Оп. 1. Д. 243. Л. 1–6 (GANO. F. P-1328. Op. 1. D. 243. L. 1–6).

Если продукты питания на городские рынки еще привозились, то промышленных товаров катастрофически не хватало, и цены на них росли еще быстрее. В Иркутске спички за несколько дней сентября 1918 г. подорожали с 1 руб. 30 коп. за пачку до 1 руб. 50 коп., в ноябре 1918 г. фунт табака за два дня подорожал с 35 до 65 руб. В Барнауле фунт свечей в октябре 1919 г. за неделю подорожал с 33–37 до 45–55 руб. В конце декабря 1918 г. мясо на новониколаевском рынке можно было купить по 1 руб. 50 коп. – 2 руб. за фунт, то в апреле 1919 г. оно стоило уже 85–115 руб., а к маю достигло 120–160 руб. Молоко подорожало с 6 руб. за четверть до 24–28 руб. Хлеб за апрель и май 1919 г. подорожал с 55 коп. – 1 руб. 30 коп. за фунт до 70 коп. – 1 руб. 50 коп. за фунт. За июнь 1919 г. топленое масло выросло в цене с 280 до 340–400 руб. за пуд, мясо – с 220 до 280 руб. за пуд.⁶

В июне 1919 г. «Русская речь» признала: «Цены на все товары на сибирских рынках растут с головокружительной быстротой и принимают поистине угрожающие размеры. Раньше, по крайней мере, скачки в росте

цен чередовались более или менее продолжительными промежутками, в настоящее же время господа спекулянты чуть не каждый день преподносят потребителю этот сюрприз. Чем кончится эта спекулятивная вакханалия, трудно себе представить, если экстренно не будут изысканы способы для урегулирования рынка. Но для оптимизма не много остается места, если вспомнить, что все, что ни предпринимается в этом направлении, не дает осязательных результатов. Товара нет, цены растут не по дням, а по часам»⁷.

Дефицит товаров и быстро растущая дороговизна создавали иллюзию возможности быстро обогатиться. Символом этой иллюзии стал «спекулянт». Весь период Гражданской войны «спекулянты» были главными персонажами хроник и фельетонов сибирских газет. Вот один из фельетонов, опубликованный в газете «Алтайский день»:

Я спекулянт – торговец «честный».
Товар и совесть – все продам;
Был я лишь лавочник безвестный,
А ныне – кум я королям <...>
Кому реакция помеха,
А мне отличная еда
И глад, и мор – моя утеха –
Мила мне всякая беда... <...>
Борьба со мною невозможна –
Живуч, как царский интендант –
И всем признаюсь я не ложно:
«Я – спекулянт, я – спекулянт!»⁸

В то же время сибиряки винили в дефиците и дороговизне как местные власти, так и власть вообще. После свержения большевиков горожане надеялись, что продукты появятся в изобилии и по дешевым ценам, но прошло три месяца, и обыватель стал разочаровываться, часто повторяя: «И при Советской власти то же было! А хлеб-то еще вздорожал!»⁹

В Барнауле дрожжи выдавались только в одной кооперативной лавке. Женщины собирались возле нее в огромном количестве, «хвост» дотягивался до Соборного переуллка. Постоянные недоразумения и скандалы вызывали у обывателей вопрос: «Почему нельзя распределить дрожжевой запас по лавкам различных районов, а не концентрировать его в одном месте?»¹⁰

Центром жизни сибирских городов стала «толкучка»: на базарах люди продавали все, что угодно. Одни, чтобы нажиться, другие – чтобы выжить.

«Сибирская речь» так описывала омскую «барахолку»: «В Омске, разумеется, тоже имеется своя толкучка. Но почему-то старожилы рынка называют ее другим выразительным именем: брехаловка <...> Мелькают киргизы в стеганых ватных пестрых кафтанах, в огромных, до смешного, сапогах, в меховых шапках; смуглые маленькие японцы, неуклюжие китайцы <...> Крики торга, ругань, борьба, восклицания продавцов и покупателей. <...> Где-то рядом гнусавят голоса нищих, распевающих какую-то непонятную духовную песнь... Шипят и кричат граммофоны... Стонет гармоника... Пиликает скрипка. По бокам площади тянутся сплошные ряды палаток, лотков, опрокинутых ящиков, на которых разложены всевозможные товары <...> В наши дни здесь появились торговцы совершенно нового типа. Бок о бок с “патентованными торговцами” продают всевозможные домашние вещи женщины и дети, по лицам которых вы сразу определяете, что они не профессионалы. Острая нужда выгнала их сюда продавать свой последний скарб. У них усталые, утомленные лица, напряженные, воспаленные глаза. У одной женщины на руке немного белья, у другой – тарелки, у третьей – пальто <...> Среди многочисленных предметов продажи здесь попадаются жуткие предметы. Продается один сапог... “Да, к чему один-то?” – невольно с изумлением спрашиваю я. Продавец с нескрываемым сожалением смотрит на меня: “Как это то есть к чему?.. А разве мало теперь людей ампутированного сорта, которые одной ногой ходят?.. Война-матушка чего не понаделала” <...> Невдалеке от японцев, на опрокинутых ящиках разложены сладости, над ними вьются густым роем мухи <...> В бадьях, кувшинах и четвертях – мутная подозрительная жидкость, именуемая квас <...> На окраинах “толкучки”, где посвободнее, оперируют китайцы-фокусники <...> На каждом шагу попадают цыганки в своих живописных лохмотьях и навязчиво предлагают погадать»¹¹.

«Толкучий» рынок в Томске был самым оживленным местом в городе. Самоэвакуация населения зимой 1919 г. началась с распродажи всевозможных вещей – одежды, мебели, посуды. «Сибирская жизнь» отмечала: «Сотни лиц самых разных званий и состояний перешли в “толкучее” состояние в буквальном смысле этого слова, по целым дням толкая себе подобных с какими-нибудь потертыми брюками в руках, заплатанными пимами или полуразорванным хомутом. Все годно для продажи и на все спрос! И у всех туго-натуго набиты карманы пачками полутысячных [Выпущенные Временным Сибирским правительством пятипроцентные краткосрочные обязательства государственного казначейства Сибири номиналом в 500 руб. – В.К.]»¹².

Базарная площадь в Красноярске была усеяна новыми лавчонками. Корреспондент «Свободной Сибири» описывал: «Хлебом торгуют в целой сотне палаток, галантереей – и того больше. В каждой лавочке по несколько фунтов разного хлеба, продать который можно в полчаса <...> Целые сот-

ни людей оторваны от производительного труда и сидят по суткам, чтобы продать две-три катушки ниток, или столько же осьмушек табаку. Неудивительно, если хлеб стоит вдвое дороже муки, мануфактура – вдвое против Иркутска, а нитки – в пять раз, сравнительно с ценами в кооперации»¹³. Несмотря на общую разруху, жизнь в Иркутске была ключом: работали драма, кинематографы, шантаны. Местный базар, который обыватели называли «маньжуркой», развернулся на большой площади: на прилавках был табак (по 8 руб. за фунт), чулки, мыло (2 руб. 50 коп. за кусок), духи, калоши, ножи, материя, перчатки, иголки, нитки, монпасье продавалось фунтами и ящиками (по 260 руб. за пуд), маньжурская мука продавалась в отдельном месте по 80 руб. за пуд. Весь товар был контрабандный¹⁴.

Корреспондент «Нового алтайского луча» так описывал сельский базар в селе Легостаево: «Достаточно посмотреть в базарный день на площадь – торгуют спекулянты приезжие и доморощенные. Продают ситец, кожаные товары, нитки, солдатские ватные гимнастерки, солдатское белье, шинельное сукно <...> Спекулируют у нас почти все, не только приезжие (так называемые гастролеры) и местные крестьяне, но есть слухи, будто бы этим делом занимаются даже члены волостной земской управы. Они втихомолку покупают пшеницу, мелют ее и продают с большой выгодой для себя. Дело дошло до того, что если нужно купить для себя провизию, то обязательно обращение к посредничеству спекулянтов, а то они все равно купить не дадут»¹⁵.

На новониколаевском базаре можно было встретить не только всевозможный товар, но и представителей самых различных профессий. «Народная Сибирь» описывала: «Есть агрономы, предлагающие купить спички, бывшие представители уполномоченных при самодержавном строе по заготовке хлеба предлагают лук, а бывший представитель по заготовке масла – шерсть. Изящная дама, обращающая на себя внимание природной красотой и костюмами, спекулирует мылом и мешками, жена врача торгует пимами, провизор предлагает бараньи рукавицы, зубные врачи – кожу и мануфактуру»¹⁶.

Сибиряки развернули нелегальное производство пользующихся спросом товаров. Вне конкуренции была самогонка. Хотя самогонование было запрещено декретом ВЦИК и СНК еще в мае 1918 г., в Сибири население восприняло свержение Советской власти как отмену всех ее законов.

В начале июля на улице Барнаула был задержан житель села Лебяжьего Ключковской волости с бочонком самогона. Вскоре была конфискована самогонка у торговавшего на пристани В.В. Бреева. 10 июля милиция обнаружила 6 ведер самогона в разных частях города. 12 июля у жителей Бобровского затона – 60 ведер самогонки и 400 ведер браги; у некоего Бабичева – 3,5 ведра казенного вина. Бабичев был очень удивлен, что спирт

тное конфискуется в Барнауле, поскольку в Змеиногорске оно продавалось совершенно открыто. В ночь на 12 июля милиция задержала жителей села Черемновского Орлова и Навочихина с возом, в котором были спрятаны 10 ведер самогонки. У неких Еригилова и Кондырева были найдены 3 баклачи от самогонки. Оказалось, что самогонку они привезли для продажи. У некоего Васильева на толкучке было обнаружено 3 бутылки самогонки, у Жданова – три четверти, у Чернутацкого – 3 баклачи. У жителей Бобровского затона было обнаружено 12 винокурных аппаратов, 60 ведер самогонки и 400 ведер хлебной браги. Всего было арестовано 10 человек¹⁷.

Корреспондент «Жизни Алтая» сообщал: «Во многих деревнях продолжается усиленное винокурение, и на самогонку тратится тысячи пудов хлеба. Так, например, в селе Белоярском Барнаульского уезда еще недели за две до Петрова дня оба берега речки буквально были окутаны дымом от самосидочных [«Самосидка» – сибирское название водки домашней выделки. – В.К.] аппаратов. Почти все семьи села имели свой завод либо в бане, либо на реке. Во время праздников поголовно все были пьяны, сами крестьяне сознаются, что такого разгула не было даже во время продажи “романовской водки”»¹⁸.

В подтаежных деревнях Иркутского уезда крестьяне за плату приспособились перегонять хлеб на самогонку. За перегонку пуда хлеба самогонщик брал 40 руб., обязуясь выкурить не менее трех четвертей. Таким образом, стоимость производства бутылки составляла 5 руб. 78 коп. при цене пуда хлеба 40 руб.¹⁹

Обыватель часто страдал не только и не столько из-за спекуляции, но и из-за попадания в продажу некачественных, а то и опасных для здоровья товаров. «Производители» делали товар из чего только можно, не пренебрегая мошенничеством. В Барнауле действовала тайная колбасная мастерская. В Петропавловске гробокопатели перепродавали использованные гробы, в Красноярске – цветы с могил, в Иркутске – вещи из бурятских могил. В Омске в сливочное масло добавляли топленое свиное сало, а в самогон – денатурат. В Новониколаевске в пшеничную муку подмешивали овсяную, внутрь рулонов мануфактуры заворачивали доски, в чай подсыпали толченый кирпич. В Томске также разбавляли муку высшего сорта более дешевой. Кроме того, предприниматели добавляли в конфеты сахарин вместо сахара, распродавали старые книги и ученические тетради на бумагу для курения, заготавливали гнилое мясо для засолки, заказывали токарям утолщенные катушки для ниток, в табак добавляли жженые опилки, из кусков медной проволоки делали «шпильки» для волос. В Красноярске, подкрашивая спирт, получали «одеколон», добавляя ароматизатор, из крахмала получали «пудру», в молоко перед замораживанием добавляли воду, на скотском кладбище «заготавливали» мясо, из патоки изготавливали «кон-

феты». В Иркутске зимой в гусей добавляли воду для увеличения веса, из мела делали «молоко», из испорченного мяса – колбасу, замшу на обуви заменяли бумагой. В Барнауле растащили весь кирпич с руин от пожара 1917 г., в Томске разобрали на кирпич недостроенное здание биржи труда. В Иркутске скупали продовольственные карточки умерших и уехавших. В Новониколаевске пастух загонял коров в свой двор, доил их, потом возвращал владельцам. В Иркутске и Томске не возвращали в библиотеку книги и продавали их на базаре²⁰.

Способы спекуляции были также разнообразными.

Наиболее распространенным была скупка у крестьян продуктов, которые они везли на рынок, с последующей перепродажей по повышенным ценам. В Омске предприниматели перехватывали рано утром крестьян по пути на базар и скупали у них дрова и сено. В Томске у крестьян скупали молоко и яйца. Стоило крестьянам привезти что-то на базар, как на них набрасывались местные торговки, отгонявшие покупателей криками, бранью и кулаками, не давая им возможности покупать у крестьян. Томичи, возмущаясь спекуляцией на базаре, обратились к городскому голове Н.С. Васильеву с просьбой принять меры. Городские власти запретили коммерсантам скупать продукты на рынке для перепродажи до 10 часов утра, но коммерсанты нашли выход: они стали скупать рано утром продукты и ждать 10-ти часов утра, после чего вывозили их на продажу. В Красноярске коммерсанты скупали плоты с дровами и лес на берегу Енисея. В азарт вслед за перекупщиками на базаре входили крестьяне: так, крестьянка просила за кувшин молока 2 руб. 50 коп., но одна торговка сказала, что это очень дешево, тотчас же крестьянка стала продавать его по 2 руб. 80 коп. В Иркутске коммерсанты и вовсе не покупали продукты у крестьян, а, надев маски, останавливали их за 10–12 верст от города и под предлогом поиска анархистской литературы забирали ценные вещи и ходовые продукты, которые потом втридорога перепродавали на рынке. А крестьяне вынуждены были продавать оставшееся также очень дорого, чтобы компенсировать убытки²¹.

Для доставки товаров из одного города в другой предприниматели пользовались почтой и железными дорогами. Возле здания иркутского почтамта каждое утро можно было наблюдать, как вереница людей с тюками отправляла посылки с контрабандной мануфактурой в разные города Западной Сибири. Отправители обходили запрет принимать больше одной посылки от человека в день, нанимая «помощников». Чтобы отправить посылку, необходимо было занимать очередь с 8 часов вечера. Отправителей не пугали даже начавшиеся морозы, а многие прилично зарабатывали, продавая место в очереди. В Знаменском почтовом отделении служащие игнорировали все правила приема посылок. Ежедневно принималось до

90 посылок, хотя прием посылок был ограничен 40-ка. За «комиссию» с отправителя посылки взималось 200–250 руб., за внеочередной прием посылки – еще 40. Один предприниматель устроил во дворе чиновника-приемщика склад посылок, ежедневно сдавая их по несколько десятков. В Тулуновском почтовом отделении принимали по 100 посылок от одного лица, оставляя их для отправки на запад в несколько приемов, поскольку запрещалось принимать более одной посылки от одного лица в один адрес. Когда отправка посылок из Иркутска стала затруднительной, по Байкальскому тракту в с. Лиственичное потянулись обозы с посылками, которые сдавались в лиственичную почтовую контору. В ноябре 1919 г. почтовые конторы стали наводнять китайцы, отправлявшие посылки из Иркутска во Владивосток, причем они просили разрешить им отправлять посылки больше, чем было положено²².

Несмотря на запреты и ограничения, коммерсанты находили выход. «Свободная Сибирь» даже поместила фельетон, посвященный «посылочникам»: «У почтовой конторы на двух посылках сидели два спекулянта и вели беседу... “Борьба со спекуляцией! Тоже выдумали! Да разве с нами возможно бороться... Мы ведь не купцы, не буржуи, не товарищи. Мы вольные птицы <...> Попробуй-ка обложить ястреба или коршуна... Трудновато-с... Это ни одному податному инспектору еще не удавалось <...> Мы, так сказать, вроде туч “Вечные странники”... И посылки наши... двигаются “с дальнего севера в сторону южную”. И господин Лермонтов не зря о нас сказал, что “нет у нас родины, нет нам изгнания””. “Умный мужчина был – потому и сказал” – авторитетно подтвердила почтенная спекулянтка, сидевшая на мануфактуре»²³.

Но значительно чаще коммерсанты превращались в «мешочников», лично перевозя товары по железной дороге, проявляя чудеса ловкости, предприимчивости и приспособления к самым невероятным условиям. В Барнауле, видя ажиотажный спрос на билеты, администрация Алтайской железной дороги к поездам особого назначения прикрепляла теплушки, продавая билеты в неограниченном количестве. В каждую теплушку желало попасть до нескольких сот пассажиров ежедневно, устраивая давку при посадке²⁴.

Некая Ольга К-ская поместила в омской «Заре» статью о мытарствах коммерсантов в дороге: «Мне довелось поехать вчера на вокзал и я поистине ужаснулась <...> Печальная, жуткая картина одичания, заброшенности и какой-то всеобщей потерянности. Картина современной России <...> Зачем и почему томятся на заплеванных полах дети, женщины и раненые, куда лезут эти серые лица, руки, тулупы, облепляющие тормоза и площадки обледенелых вагонов? Где приемный покой, где дезинфекция, где необходимые в такое время санитары, где горячая пища, где бани с кипяченой

водой? <...> Едут солдаты, офицеры, чехословаки, везут пушки, пулеметы, снаряжение, но если мещанин, купец, крестьянин не будет чего-то везти, что-то продавать, если он перестанет творить свой муравьиный труд и найдет себе поддержки и облегчения – все зайдет в тупик. Когда я ехала обратно с вокзала, в вагоне, грязном, как свиной хлев, набитом, как плохая овчарня, все кипело разговорами, шуршали газеты, велась беседа на “политические” темы с большим оживлением. Вопрос транспорта волновал всех; что железные дороги станут, что необходимо возобновить гужевые пути – в этом публика была единодушна; иначе подвоз прекратится и города будут обречены на голод»²⁵.

Корреспондент красноярской газеты так описывал свои впечатления: «Помните вы картину известного художника – “В погоне за счастьем”? <...> Кто же эти несчастные, вынужденные стоять на площадках, висеть над колесами, целыми сутками выносить ужасающую грязь, душлистый воздух и подвергать себя опасности заразиться тифом или сломать голову? <...> Перед вами современные счастливики, удачники, которые одной–двумя поездками в месяц зарабатывают больше, чем вы в год упорным трудом, которые вкусно и сытно кушают и богато пестро одеваются <...> Здесь вы найдете и гладко выбритого модного нахала, с толстой золотой цепью на жилете, с массой перстней на руках, с двумя желтыми кожаными саквояжами. Он всегда отыщет себе хорошее место, при помощи пары носильщиков, или железнодорожного агента <...> Перед вами целые серии лиц с особыми удостоверениями и без них, едущие навещать болящих мужей или матерей, получившие неотложные командировки и чрезвычайные отпуска. Посмотрите их на обратном пути, или послушайте их разговоры, – и вы убедитесь, что здесь не болезнь родных или дело службы, а современная модная болезнь – спекуляция. Насколько она заразительна, можно судить по тому, что ею охвачены все классы населения, не исключая интеллигенции, но особенно военные и железнодорожники <...> Посмотрите: девочка-подросток привезла из Иркутска два куска бумажного крепа и в шесть дней нажила чистых 600 руб. Офицер удачно провез 1 000 аршин чесучи, весом всего 5 пудов, и нажил более 10 000 руб. <...> Другие говорят: только благодаря спекулянтам мы одеты и обуты; сидели бы голыми, если бы не они»²⁶.

Жители Иркутска устремлялись за товаром в Забайкалье, Маньчжурию и Харбин. Корреспондент красноярской газеты «Свободная Сибирь» описал свои впечатления от посадки в Иркутске на поезд, идущий в восточном направлении: «Вечером была посадка в Иркутске и, кажется, поезд с трудом выполз из суматохи. Когда подали красный состав вагонов [Кузова вагонов-теплушек окашивались в красный цвет. – В.К.], сотни людей, давя друг друга, с визгом и гиканьем кинулись вперед и, цепляясь один за друго-

го, полезли в теплушки <...> А в широкие двери теплушек через головы толпы летели ящики, мешки, корзины и лезли, лезли люди <...> И дама в бархатном пальто, и бывший товарищ в рваной шинели, и грязный “ходя” [Прозвище китайцев. – В.К.], и толстый лавочник из глухого сибирского угла. Так каждый день – когда вечером подают красный состав к станции – эта толпа тесно стоит на платформе, освещенной холодным, синеватым светом электрических фонарей, чтобы ринуться вперед и занять место»²⁷.

Взяточничество и поборы с пассажиров на станции Иркутск росли. Кроме покупки билета, необходимо было дать взятку кондукторам и носильщикам за то, чтобы они заняли места. Иногда за место приходилось отдавать до двух 40-рублевых «керенок», также дорожала и отправка мануфактуры²⁸. Поскольку коммерсантам было трудно на станции Иркутск сесть в забайкальский поезд, они ехали на «ученическом» (местного назначения) поезде до станции Байкал, где и пересаживались без всяких формальностей в забайкальский, перегружая товары из одного состава в другой²⁹.

В Челябинске, Омске или Новониколаевске коммерсанты запасались свидетельством о болезни (чаще всего фигурировал ревматизм), а дама-путница настойчиво требовала от милиции, а иногда и от коменданта станции, содействия проезду и получала вне очереди билеты и удобные места в поезде. На обратном пути из Харбина или Владивостока они неизменно горько добавляли: «Хотели пробраться в Японию на курорт, но никак не могли получить заграничные паспорта во Владивостоке»³⁰.

Летом 1919 г. очередь в билетные кассы на станции Иркутск необходимо было занимать вечером, дежуря ночь и день. И даже при этом не всегда удавалось купить билет, поскольку билеты без очереди получали воинские чины и лица с записками от коменданта и начальника станции. Причем спекулянты умудрялись подходить к кассе с записками по три раза. За отправку багажа носильщики брали по 350–370 руб., за получение билета вне очереди надо было заплатить его тройную стоимость. Торговали билетами по двойной цене носильщики и другие железнодорожные служащие. Поскольку билетов на всех не хватало, то толпы пассажиров садились в вагоны, уплачивая кондукторам, причем уплата «дани» безбилетными за проезд в теплушках проводилась открыто³¹.

Поезда из Иркутска выходили переполненными, но в Чите жаждали сесть на поезд еще 500 человек в сутки. Пассажиры не жаловались ни на тесноту, ни на темноту в вагонах³². Корреспондент иркутской газеты «Свободный край» писал: «Стоит только побывать в Чите, как сразу же легко убедиться, что в Забайкалье возникает новый спекулятивный центр, способствующий утечке за границу, а следовательно и обесцениванию русского рубля. Нигде, кажется, обыватель не заражен так болезнью нашего времени спекуляцией, как в Чите. Здесь все, от мала до велика, спекулиру-

ют, на чем только возможно спекулировать <...> Читинский мелкий обыватель, как городской, так и поселковый, не исключая старух и молодых девушек, уже не сидит дома. Целыми партиями они едут в Маньчжурию, и затопляют Читу контрабандными заграничными товарами: табаком, сигаретами, сахаром, чаем, носками, перчатками <...> Нажить на товаре 100 % считается заурядным явлением <...> Ежедневно из этого города выезжает в Маньчжурию в среднем 600–700 человек в сутки. И до полумиллиона рублей вывозят они ежедневно <...>³³.

Заработок проводников Забайкальской железной дороги в пассажирских и товарно-пассажирских поездах на участке Иркутск–Маньчжурия достигал 5 тыс. руб. за каждую поездку. Проводники специализировались на провозе шелка, который прятали между стенок вагона. За четыре поездки в месяц они зарабатывали 20 тыс. руб. 12 тыс. руб. в месяц зарабатывали раздатчики багажа, провозящие в багажных вагонах товар без оплаты³⁴.

Российская таможня на границе с Маньчжурией, на КВЖД, (таможню подчинил себе атаман Г.М. Семенов) одних сборов с коммерсантов собирала еженедельно до 100 тыс. руб. «Хвосты» желающих оплатить товары были огромными. В первую очередь получали необходимые документы те, кто уплачивал сбор золотом, потом те, кто уплачивал царскими деньгами, затем те, кто имел только «керенки». Очереди приходилось ждать иногда целую неделю³⁵. В декабре 1918 г. вывоз товаров в Сибирь через маньчжурскую таможенную достиг 25 млн руб. в месяц. Таможня собирала не менее 2 млн руб. одной только пошлины. Мелкие ценные товары перевозились коммерсантами-мешочниками, которые проходили через таможенную по несколько сот человек ежедневно. Таможня была вынуждена ходатайствовать об увеличении штата таможенников на 85 человек. Примерно треть грузов принадлежала военному ведомству и иностранным войскам³⁶. Население близлежащих к Маньчжурии деревень и станций Забайкальской области нашло выгодный бизнес: занялось извозом, разгрузкой вагонов и погрузкой, чтобы помочь торговцам миновать маньчжурскую таможенную³⁷.

Корреспондент иркутской газеты «Новая Сибирь» писал: «В представлениях голодного, оборванного и разутого сибиряка Харбин кажется огромным складом всевозможных товаров, центром материального блага, слабые лучи которого изредка достигают отдаленный, огражденный многочисленными границами своенравных атаманов и атаманчиков запад. На деле же оно немного не так. В местных магазинах вы редко найдете пару простых прочных сапог, напрасно будете искать более или менее приличное сукно на костюм, полотно на белье и т.п. На ваше требование вы почти всегда получите один и тот же ответ: “Мы ждем прибытия товара”. Но зато всегда вы сможете купить... дубликат на тысячи пар обуви, на тысячи аршин сукна, полотна шелку, на чулки, на гвозди, на шоколад, на любую

мануфактуру, на все, что хотите <...> Харбинская биржа – вернее угол Китайской улицы возле кафе Зазунова, ежедневно совершает сделки на сотни тысяч и миллионов рублей <...> Но сам товар находится всегда за тридевять земель отсюда»³⁸.

Некий старый учитель поделился своими дорожными впечатлениями: «Поезд подходил к станции Маньчжурия. Наконец-то – вот она обетованная земля, страна “длинных рублей”, вот где наши аргонавты нашли золотое руно <...> Мы сидим уже неделю и никак не могли попасть в очередь записаться на очистку пошлины, а некоторые сидят и по две недели. То, что можно купить на николаевские за 100 руб., то на сибирские [Дензнаки Временного Сибирского правительства. – В.К.] за 150 руб., да и то если деньги новенькие, и нет ни одной царапинки, клеенных, немного порванных, смятых – не берут. “Ломайло – не годятся”, – говорят китайцы и разговаривать не хотят <...> Из мастерских пришлось уволиться, смотрят косо, того и глядишь попадешь в Романовскую гостиницу, заработок в нашем цехе плох, семья большая. И вот и я мало-мало спекулирую, много наших побросали службу и ездят в Харбин, Владивосток»³⁹.

А вот как выглядела станция Маньчжурия: «Услужливый ходя тащит вещи к вокзалу и тут же у полотна складывает. Пыль, грязь, суতোлка. Кругом вокзала тюки, корзины, мешки, свертки и на них люди. Спят, едят, разговаривают. Ждут тут, в ожидании отправки на Иркутск. “Вот уже вторую неделю живем, ждем”, – слышится в одной группе. Тут же на тюках устроены постели, на ящиках столы. Приспособились. Капает редкий дождь. Подымается вихрем песок и пыль и покрывает людей и их тюки. Они все сидят и ждут <...> Раннее утро, еще нет пяти часов, а на вокзале в разных направлениях уже вытянулись “хвосты”: на проверку документов, на Иркутск, на Харбин–Владивосток. Толкотня, ругань, неразбериха»⁴⁰.

Корреспондент «Вестника Маньчжурии» писал: «На станции большое скопление на Иркутск. Они заполняют все помещения обширного вокзала, расположившись на каменном полу вместе со своим багажом. Ждут очереди досмотра предназначенных к отправке товаров по несколько дней, так как у русской таможни не хватает сил досмотреть за день все предъявленные товары ввиду ухода за большевиками нескольких низших служащих и огромного притока товаров, преимущественно мелких, требующих кропотливой работы. При посадке на поезда места в вагонах берутся с бою вследствие малого числа подаваемых вагонов. Обычный состав поездов № 3, 4, 5 и 6 – один вагон микст II и III класса, два вагона – III класса и три–четыре вагона IV класса (на полторы или две тысячи пассажиров). Ездить пассажирам приходится в невероятно тяжелых условиях. В товарно-пассажирских поездах публика помещается в товарных вагонах без ограничения числа пассажиров на каждый вагон, то есть перевозимые люди поставлены в худшее положение, чем лошади или коровы»⁴¹.

Азарт предпринимательства захватывал и тех, кто был причастен к перевозке воинских грузов: чиновников и офицеров ведомств снабжения, путей сообщения, военного. В конце января 1919 г. на барнаульском рынке появилось значительное количество разных товаров, продававшихся по небывало низким для Барнаула ценам. Как оказалось, в город прибыло два вагона товаров под видом воинского груза⁴². 22 марта 1919 г. омская «Заря» сообщила, что за спекуляцию были преданы военно-полевому суду капитан Арэфьев, отправивший из Харбина в адрес омского окружного интендантства 9 вагонов грузов, и доктор Немсадзе, который сбывал в частные руки товар под видом воинского груза для «отряда Анненкова» [В это время генерал Б.В. Анненков командовал 2-м Степным корпусом. – В.К.]. Оба попали под арест, но имелись сведения, что в отправке грузов с Дальнего Востока под видом воинских участвовали коммерсанты двух иностранных держав⁴³.

Обыватели – одни в погоне за наживой, а другие из естественного стремления выжить – забывали обо всем. В статье «Думы обывателя» отмечалось: «Думы обывателя – известные думы. Его превыше всего интересует та умопомрачительная игра цифр, которую в одинаковой степени можно наблюдать как на толкучке, так и в крупных магазинах. Обыватель занят одним: как прожить сегодняшний день и что “день грядущий” ему готовит. Он простаивает долгие дни в сладких сахарных и горьких водочных “хвостах”, мечется. Как угорь, прицениваясь к картошке, ловит налету всевозможные слухи и тут же дополняет их новыми данными, созданными своим собственным воображением. Сарпинка [Вид легкой хлопчатобумажной ткани. – В.К.], поднимающаяся в цене не по дням, а по часам, многих интересует значительно больше, чем положение на фронте генерала Деникина или адмирала Колчака»⁴⁴.

В отличие от Европейской России Сибирь в годы Гражданской войны не страдала от недостатка продуктов, «мешочники» снабжали ими даже Европейскую Россию, перевозя их через линии фронтов. При организованном распределении продуктов питания и промтоваров ими возможно было вполне обеспечить все городское население Сибири. Однако антибольшевистские сибирские власти – Западно-Сибирский комиссариат, Временное Сибирское правительство, Всероссийское правительство адмирала А.В. Колчака – хотя и принимали огромное количество законов, оказались неспособными проконтролировать их выполнение, и фактически вынудили городского обывателя заняться самообеспечением. Это стало одной из причин, почему население, недовольное вакханалией на потребительском рынке, не особо жалело о падении колчаковской власти, не представляя, что ожидает его в 1920 г.

Примечания

¹ Давыдов А.Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть 1917–1922 гг. СПб., 2002; Кokoулин В.Г. Новониколаевск в годы революции, Гражданской войны и «военного коммунизма». Новосибирск, 2010; Кokoулин В.Г. Томск в годы революции и Гражданской войны. Новосибирск, 2012; Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.

Davydov A.Yu. Nelegalnoe snabzhenie rossiyskogo naseleniya i vlast 1917–1922 gg. St.-Petersburg, 2002; Kokoulin V.G. Novonikolaevsk v gody revolutsii, Grazhdanskoi vojny i "voennogo kommunizma". Novosibirsk, 2010; Kokoulin V.G. Tomsk v gody revolutsii i Grazhdanskoi vojny. Novosibirsk, 2012; Narsky I.V. Zhizn v katastrofe: Budni naseleniya Urala v 1917–1922 gg. Moscow, 2001.

² Омский вестник. 1918. 13 июня (31 мая); Сибирский курьер (Иркутск). 1918. 21, 24 июля; Голос народа (Томск). 1918. 5 июня; Свободная Сибирь (Красноярск). 1918. 30 (17) июня; Народная Сибирь (Новониколаевск). 1918. 12 (30) июня, 16 (3) июня.

Omsky vestnik. 1918. June 13 (May 31); Sibirsky kuryer (Irkutsk). 1918. July 21, 24; Golos naroda (Tomsk). 1918. June 5; Svobodnaya Sibir (Krasnoyarsk). 1918. June 30 (17); Narodnaya Sibir (Novonikolaevsk). 1918. June 12 (30), 16 (3).

³ Сибирская жизнь (Томск). 1918. 5 июня.

Sibirskaya zhizn (Tomsk). 1918. June 5.

⁴ Голос народа. 1918. 6 июня.

Golos naroda. 1918. June 6.

⁵ Знамя революции (Томск). 1918. 30 (17) мая.

Znamya revolutsii (Tomsk). 1918. May 30 (17).

⁶ Свободный край (Иркутск). 1918. 7 сент. (25 авг.); Свободная Сибирь. 1918. 20 (7) окт.; Алтайский день (Барнаул). 1919. 23, 28 окт.; Русская речь (Новониколаевск). 1918. 22 дек; 1919. 6 апр.; 6 мая; Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 233. Оп. 3. Д. 1190. Л. 170, 171, 182, 183.

Svobodny krai (Irkutsk). 1918. Sept. 7 (Aug. 25); Svobodnaya Sibir. 1918. Okt. 20 (7); Altaisky den (Barnaul). 1919. Okt. 23, 28; Russkaya rech (Novonikolaevsk). 1918. Dec. 22; 1919. Apr. 6; May 6; State Archive of Tomsk oblast (GATO). F. 233. Op. 3. D. 1190. L. 170, 171, 182, 183.

⁷ Русская речь. 1919. 27 июня.

Russkaya rech. 1919. June 27.

⁸ Алтайский день (Барнаул). 1919. 16 окт.

Altaisky den (Barnaul). 1919. Okt. 16.

⁹ Жизнь Алтая (Барнаул) 1918. 4 окт.

Zhizn Altaia (Barnaul) 1918. Okt. 4.

¹⁰ Новый алтайский луч (Барнаул). 1918. 11 окт.

Novy Altaisky luch (Barnaul). 1918. Okt. 11.

¹¹ Сибирская речь (Омск). 1918. 4 июля.

Sibirskaya rech (Omsk). 1918. July 4.

¹² Сибирская жизнь. 1919. 13 дек.

Sibirskaya zhizn. 1919. Dec. 13.

¹³ Свободная Сибирь. 1919. 24 (11) июня.

Svobodnaya Sibir. 1919. June 24 (11).

¹⁴ Сибирская жизнь. 1919. 17 янв.

Sibirskaya zhizn. 1919. Jan. 17.

¹⁵ Новый алтайский луч (Барнаул). 1918. 24 окт.

Novy Altayisky luch (Barnaul). 1918. Okt. 24.

- ¹⁶ Народная Сибирь. 1918. 12 окт.
Narodnaya Sibir. 1918. Okt. 12.
- ¹⁷ Жизнь Алтая. 1918. 9, 14 июля; Алтайский луч (Барнаул). 1918. 12 июля (29 июня), 14 (1) июля.
Zhizn Altaya. 1918. July 9, 14; Altaysky luch (Barnaul). 1918. July 12 (June 29), July 14 (1).
- ¹⁸ Жизнь Алтая. 1918. 16 июля.
Zhizn Altaya. 1918. July 16.
- ¹⁹ Свободный край. 1918. 5 февр. (23 янв).
Svobodny kraï. 1918. Feb. 5 (Jan. 23).
- ²⁰ Жизнь Алтая. 1918. 16 июля; Свободная Сибирь. 1919. 7 марта (22 февр.), 6 мая (23 апр.), 26 (13) июня, 12 сент. (30 авг.); 17 (4) нояб.; Сибирская речь. 1919. 13 февр. (31 янв), 13 сент.; Сибирская мысль (Томск). 1918. 28 (15) мая; Русская речь. 1919. 12, 20 февр.; Сибирская жизнь. 1919. 21 янв., 22 мая, 12, 24 июля, 19 авг., 19 сент.; Вестник Томской губернии. 1919. 30 апр.; Народная газета. 1918. 27 (14) окт.; Воля Сибири (Красноярск). 1918. 22 окт.; Свободный край. 1919. 16 (3) янв., 20 (7) сент.; Наше дело (Иркутск). 1919. 12 апр., 4 мая, 7, 18 июня; Новая Сибирь (Иркутск). 1918. 29 (16) дек.; Дело (Иркутск). 1918. 6 нояб.; Народная Сибирь. 1918. 28 (15) июня; Народная газета. 1918. 17 (4) дек.; Новый луч. 1918. 10 сент.
Zhizn Altaya. 1918. July 16; Svobodnaya Sibir. 1919. March 7 (Feb. 22), May 6 (Apr. 23), June 26 (13), Sept. 12 (Aug. 30); Nov. 17 (4); Sibirskaya rech. 1919. Feb. 13 (Jan. 31), Sept. 13; Sibirskaya mysl (Tomsk). 1918. May 28 (15); Russkaya rech. 1919. Feb. 12, 20; Sibirskaya zhizn. 1919. Jan. 21, May 22, July 12, 24, Aug. 19, Sept. 19; Vestnik Tomskoi gubernii. 1919. Apr. 30; Narodnaya gazeta. 1918. Okt. 27 (14); Volya Sibiri (Krasnoyarsk). 1918. Okt. 22; Svobodny kraï. 1919. Jan. 16 (3), Sept. 20 (7); Nashe delo (Irkutsk). 1919. Apr. 12, May 4, June 7, 18; Novaya Sibir (Irkutsk). 1918. Dec. 29 (16); Delo (Irkutsk). 1918. Nov. 6; Narodnaya Sibir. 1918. June 28 (15); Narodnaya gazeta. 1918. Dec. 17 (4); Novy luch. 1918. Sept 10.
- ²¹ Сибирская речь. 1919. 11 марта (26 февр.); Сибирская жизнь. 1918. 10, 18 июля; 1919. 12 февр., 18 июня; Голос Сибири (Томск). 1919. 12 февр.; Свободная Сибирь. 1919. 27 (14) сент.; Воля Сибири. 1918. 30 авг., 6 сент.; Свободный край. 1918. 26 (13) сент.
Sibirskaya rech. 1919. March 11 (Feb. 26); Sibirskaya zhizn. July 1918. 10, 18; 1919. Febr. 12, June 18; Golos Sibiri (Tomsk). 1919. Feb. 12; Svobodnaya Sibir. 1919. Sept. 27 (14); Volya Sibiri. 1918. Aug. 30, Sept. 6; Svobodny kraï. 1918. Sept. 26 (13).
- ²² Новая Сибирь. 1918. 20 (7) нояб.; Свободный край. 1918. 28 (15) нояб., 1919. 25 (12) марта, 23 (10) нояб.; Наше дело. 1919. 25 марта, 20 июня.
Novaya Sibir. 1918. Nov. 20 (7); Svobodny kraï. 1918. Nov. 28 (15), 1919. March 25 (12), Nov. 23 (10); Nashe delo. 1919. March 25, June 20.
- ²³ Свободная Сибирь. 1919. 29 (16) июля.
Svobodnaya Sibir. 1919. July 29 (16).
- ²⁴ Сибирская жизнь. 1919. 20 февр.
Sibirskaya zhizn. 1919. Febr. 20.
- ²⁵ Заря (Омск). 1919. 12 февр.
Zarya (Omsk). 1919. Febr. 12.
- ²⁶ Свободная Сибирь. 1919. 24 (11) июня.
Svobodnaya Sibir. 1919. June 24 (11).
- ²⁷ Свободная Сибирь. 1918. 3 нояб. (21 окт.).
Svobodnaya Sibir. 1918. Nov. 3 (Okt. 21).
- ²⁸ Свободный край. 1919. 8 февр. (26 янв.).
Svobodny kraï. 1919. Febr. 8 (Jan. 26).

- ²⁹ Наше дело. 1919. 11 февр.
Nashe delo. 1919. Feb. 11.
- ³⁰ Свободный край. 1919. 11 февр. (29 янв.).
Svobodny kraj. 1919. Feb. 11 (Jan. 29).
- ³¹ Свободная Сибирь. 1919. 25 (12) июня; Свободный край. 1919. 16 (3) июня, 29 (16) июня.
Svobodnaya Sibir. 1919. June 25 (12); Svobodny kraj. 1919. June 16 (3), 29 (16).
- ³² Забайкальская новь (Чита). 1918. 23 окт.
Zabayikalskaya nov (Chita). 1918. Okt. 23.
- ³³ Свободный край. 1918. 24 (11) окт.
Svobodny kraj. 1918. Okt. 24 (11).
- ³⁴ Забайкальская новь. 1919. 6 июля.
Zabayikalskaya nov. 1919. July 6.
- ³⁵ Забайкальская новь. 1918. 8 нояб.
Zabayikalskaya nov. 1918. Nov. 8.
- ³⁶ Русский восток (Чита). 1918. 18 (5) дек.
Russky vostok (Chita). 1918. Dec. 18 (5).
- ³⁷ Забайкальская новь. 1919. 22 янв.
Zabayikalskaya nov. 1919. Jan. 22.
- ³⁸ Новая Сибирь. 1919. 25 янв.
Novaya Sibir. 1919. Jan. 25.
- ³⁹ Свободная Сибирь. 1919. 15 (2) авг.
Svobodnaya Sibir. 1919. Aug. 15 (2).
- ⁴⁰ Дальневосточное обозрение (Владивосток). 1919. 18 (5) июня.
Dalnevostochnoe obozrenie (Vladivostok). 1919. June 18 (5).
- ⁴¹ Вестник Маньчжурии (Харбин). 1918. 31 окт.
Vestnik Manchzhurii (Harbin). 1918. Okt. 31.
- ⁴² Новый алтайский луч. 1919. 2 февр.
Novy Altaysky luch. 1919. Feb. 2.
- ⁴³ Заря. 1919. 22 марта.
Zarya. 1919. March 22.
- ⁴⁴ Забайкальская новь. 1919. 15 авг.
Zabayikalskaya nov. 1919. Aug. 15.